

«Славянофилы» до славянофилов: спор о свойствах русского этноса и характере национального искусства на страницах журнала «Зритель»

И. М. Лебедев

преподаватель истории и древних языков, Православная гимназия имени Серафима Саровского.
Россия, г. Дзержинск. E-mail: leb1000.mm@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается ряд публикаций П. А. Плавильщикова, появившихся на страницах журнала И. А. Крылова «Зритель» в 1792 г. «Зритель» выходил всего лишь год, но в этот короткий промежуток времени в нескольких номерах издания мы встречаемся с одной из первых в истории отечественной журналистики публицистических полемик. В этой полемике были подняты вопросы, которые впоследствии станут ключевыми в споре славянофилов и западников. Выдающийся русский историк В. О. Ключевский называет авторов журнала люборуссами и считает их предшественниками славянофильства. В статье анализируются взгляды и идеи Плавильщикова. Делается вывод о том, что в своих статьях автор «Зрителя» по многим вопросам предвосхитил взгляды славянофилов, а вызванная его работами журнальная полемика стала первым в истории отечественной печати эпизодом столкновения западников и сторонников национальной самобытности России. Вместе с тем показывается, что в полном смысле слова Плавильщикова и его сторонников славянофилами назвать нельзя. Выделяется ряд критериев и тем, которые показывают отличие классического славянофильства от идей люборуссов. В частности, показывается, что авторы «Зрителя» не имели той научной и философской базы, которая была у представителей «московского кружка». Кроме того, во многих местах П. А. Плавильщиков выступает жарким поборником петровских реформ, восхваляет царя-преобразователя, тогда как для славянофилов, как старших, так и младших, фигура Петра I, оставаясь знаковой для русской истории, имела негативное значение.

Ключевые слова: «Зритель», славянофилы, западники, П. А. Плавильщиков, И. А. Крылов.

Журнальная полемика между славянофилами и западниками начинается в середине XIX в. Но как у славянофилов, так и у западников были свои предтечи, мыслители, публицисты и даже целые периодические издания, развивавшие соответствующие идеи. Иногда на страницах зарождающейся российской печати можно было встретиться с полемикой между представителями этих противоборствующих мировоззрений. Литературные предшественники славянофилов известны. Это и журнал «Русский Вестник», ставший в начале XIX в. рупором консервативной мысли в России [15]; и знаменитый консерватор А. С. Шишков, высказывавший в полемике с карамзинистами многие «предславянофильские» взгляды [1]; и современник старших славянофилов С. П. Шевырев, который уже в 1830-х гг. столкнулся на журнальном поприще с будущим лидером западников В. Г. Белинским [16; 20; 23].

Менее известен первый в истории отечественной журналистики эпизод публицистической полемики между западниками и ревнителями отечественной старины. Она разыгралась в конце XVIII в. на страницах петербургского журнала «Зритель», выпускавшегося И. А. Крыловым.

В отечественной историографии этому эпизоду из истории российской печати внимания уделяется немного. У В. О. Ключевского, например, мы встречаем упоминание о люборуссах (так он называет Крылова и близких к нему авторов), но занимает оно менее страницы [14, с. 413]. В многочисленных учебных пособиях и научных изданиях по истории отечественной журналистики о журнале «Зритель» и его направлении упоминается обычно мимоходом. А знаменитый историк славянофильства А. Валицкий, в своем главном труде уделявший большое внимание предшественникам славянофилов, вообще обходит вниманием этот вопрос [2].

Нам представляется, что этот эпизод из истории российской печати является важным на сегодняшний день, поскольку на страницах «Зрителя» в конце XVIII в. мы впервые встречаемся со спором, ставшим основным для общественной мысли России, спором и по сей день актуальным.

Целью нашей статьи является выявление сходств и различий между идеологией славянофильства и взглядами издателей «Зрителя». Для этого используются компаративный и системно-структурный методы исследования.

Журнал «Зритель» выходил в Санкт-Петербурге с февраля по декабрь 1792 г. Создателем и идейным вдохновителем издания был молодой Иван Андреевич Крылов, тогда еще начинающий литератор и издатель. Кроме Крылова в издании журнала принимали участие А. И. Клушин, П. А. Плавильщиков, И. А. Дмитриевский и другие авторы. В журнале публиковались оригинальные и переводные произведения, проза и поэтические тексты, размышления и полемические статьи. Одной из отличительных черт журнала был сатирический настрой. Авторы высмеивали нравы современного им общества, следование западной моде, расточительность и прочие пороки высшего света.

Одним из самых активных авторов «Зрителя» был П. А. Плавильщиков – известный театральный деятель конца XVIII столетия. Плавильщиков являлся одной из наиболее ярких фигур театральной и литературной жизни петербургского общества. Актер, режиссер и знаменитый драматург, который «своим творчеством предвосхитил А. Островского» [18, с. 189]. Его можно назвать одним из предтеч славянофильства. В своих статьях, появлявшихся на страницах журнала «Зритель», он защищал национальную самобытность русского народа, рассуждал о характере великороссов и утверждал необходимость национального искусства. В частности, национального театра, теоретиком которого он являлся. Плавильщиков «ратует за русскую народность» и, не отрицая значения западной культуры, «убеждает... не класть в основу русской образованности чужие начала» [21, с. 789].

Плавильщиков, Крылов и их соратники не были первыми идеологами антизападнического направления. В своих рассуждениях о России и Европе они, наоборот, шли в ногу со временем. Уже в годы правления Елизаветы Петровны (1741–1761) наблюдается рост национального самосознания, выразившийся в интересе к истории России и спорах по поводу некоторых ее аспектов. Самым известным из них был спор Ломоносова и Миллера [19]. В екатерининскую эпоху эта тенденция достигает еще большего размаха. Национальная идеология начинает разрабатываться самой правительницей и ее ближайшими сподвижниками. И здесь, в этом поиске места России в мировой истории, взгляды теоретиков обращаются не на Запад, а на Восток (в Византию) или к отечественной старине [5]. Важность Плавильщикова заключается не в новаторстве мысли, а в том, что на страницах «Зрителя» полемика между западниками и ревнителями отеческой старины возникла в периодической печати.

Исследование этой темы остается очень актуальным вопросом. Оппозиция «Россия – Запад» является одним из основных концептов отечественной историософии. На протяжении нескольких столетий Европа была для русских интеллектуалов «другим», точкой, относительно которой определялось место России в мировой истории, ее роль и значение [17, с. 11]. Сегодня эта проблема стоит не менее остро, чем во времена Крылова и Плавильщикова. Отношения с европейскими странами для России всегда складывались непросто. Они обязательно включали элементы напряженности и «разрядки». Западное влияние в различные периоды истории воспринималось позитивно или отрицательно. Вопросы взаимоотношения с Европой, поиск форм взаимного сосуществования и сотрудничества, а главное – допустимые пределы западного влияния (культурного, технического, экономического) на жизнь российского общества – те вопросы, которые остаются актуальными до сих пор. В условиях роста международной напряженности и новых вызовов, связанных с политическими и социальными конфликтами в Центральной и Восточной Европе, эти вечные для нашей страны вопросы о характере взаимоотношений с Западом встают с новой силой. Разрешение их возможно только при обращении к прошлому, опыту предыдущих поколений, наследию отечественных мыслителей, занимавшихся данным вопросом на протяжении нескольких веков.

Изучение полемики, развернувшейся на страницах журнала «Зритель», важно потому, что это в целом одно из первых публичных столкновений такого рода. Кроме того, это определенно первая такая дискуссия, имевшая место в СМИ, первая «журнальная» полемика между западниками и национальной партией.

Уже в дебютном номере журнала «Зритель» появляется первая «славянофильская» статья Плавильщикова «Нечто о врожденном характере душ российских» [6, с. 9–26]. В этой статье знаменитый актер и драматург выступил со своей концепцией русской народности и ее особых, отличительных черт. Статью Плавильщикова можно разделить на три части:

– первая часть – доказательство самобытности русского характера, опровержение мнений об исключительной подражательности русского человека;

– вторая часть – мысли о вреде европейского просвещения для российского общества (в частности, о вреде иностранных воспитателей);

– третья часть – выделение специфических свойств русского характера.

Как отмечает В. О. Ключевский [14, с. 413], эта статья явилась ответом на разговоры в обществе о национальном характере и о характере великороссов в частности. Поэтому свою статью Плавильщиков начинает без предисловий, как будто продолжая когда-то уже начатый спор. «Если бы российский народ отличался от всех племен земнородных единым только подражанием и никакой другой способности не имел, то чем бы он мог удивить вселенную, которая смотрит на него завистными глазами?» [6, с. 9–10]. В доказательство тезиса о самобытности русского народа автор многократно апеллирует к факту внешнеполитического могущества России. «Пусть докажут мне, кому подражают россияне, когда ополчаются на врагов Государя и, следовательно, Отечества? Кто устоял перед мужеством россиян? Перед ними все бежало; едина слава на следах у них» [6, с. 11].

В коротком и импульсивном начале статьи автор отмечает такие качества россиян, как мужество, милосердие, прощение и способность к грандиозным преобразованиям. Последнее качество проявляется на примере деятельности Петра Великого [6, с. 11].

После короткого вступления Плавильщиков переходит к критике современного ему западничества. В первую очередь автор обрушивается с критикой на воспитание в европейском духе. В частности, на распространенную практику приглашения воспитателей из-за рубежа [6, с. 13]. Плавильщиков утверждает, что иностранный воспитатель либо человек недостойной жизни, вынужденный покинуть Родину, либо стяжатель, оставивший Отечество ради наживы. И тот и другой случай неприемлемы, когда речь идет о воспитании будущих граждан. Кроме того, иностранный воспитатель возрастит в своих подопечных скорее любовь к Западу, чем к России [6, с. 13]. Повсеместно распространившаяся практика приглашения иностранных учителей привела, согласно Плавильщикову, к пренебрежению всем российским, родным, отечественным. Это касается и законов, и обычаев, и самого национального языка.

В третьей части автор переходит к выделению специфических для русского характера свойств. Это делается бездоказательно, эмоционально и субъективно. Плавильщиков находит, что русским людям свойственна скромность. Доказывается это следующим образом. Россияне совершали великие дела, но о многих из этих дел вселенского масштаба неизвестно или плохо известно. А это оттого, что «россияне скромничают от того, что превозноситься собою не любят» [6, с. 16]. Другими добродетелями россиян являются гостеприимство и радушие [6, с. 23]. В конце статьи Плавильщиков возвращается к вопросу просвещения, утверждая, что такие замечательные свойства души не могли без него появиться. А, значит, просвещение в России было, в доказательство чего приводятся в пример различные литературные памятники русской старины [6, с. 24–25].

Статья Плавильщикова похожа на восторженную речь, посвященную победам русского оружия. Она пламенна, красноречива, патриотична, но сбивчива и ненаучна. Наличие у великороссов храбрости, скромности, гостеприимства и прочих добродетелей утверждается голословно, без опоры на исторические факты. Хотя Плавильщиков предвосхитил некоторые взгляды славянофилов, уровень критичности, глубины суждений в его статьях намного ниже, чем у авторов XIX в. Однако нельзя не отметить некоторые важные вопросы, которые поднимал Плавильщиков и в которых он стал предтечей славянофилов. В частности, это вопрос о связи народного характера и особенностей национального просвещения. Эта тема станет в XIX в. одним из основных мотивов в философии И. В. Киреевского – основателя и крупнейшего (наряду с Хомяковым) представителя славянофильства. А позднее приведет даже к полемике между Киреевским и Хомяковым. Хотя правильнее, наверное, называть это не полемикой, а обменом мнениями. В ответ на публикацию Киреевского 1852 г. [13], помещенную в «Московском сборнике», Хомяков пишет статью [22], в которой соглашается с основными выводами своего друга и единомышленника, но в некоторых пунктах критикует его [3].

В апрельском номере «Зрителя» появилось продолжение февральской статьи Плавильщикова [5, с. 163–181]. Если в первой публикации автор посвятил значительную часть своего труда критике европейского просвещения, то продолжение статьи почти полностью посвящено исследованию «природных свойств россиян». Плавильщиков находит, что россиянам свойственна стыдливость [5, с. 164], мягкосердие и праводушие (то есть умение держать слово и быть честным) [5, с. 164–166], неустрашимость [5, с. 177–178], бодрость и веселость [5, с. 178–179], благочестие и веротерпимость [5, с. 179–180]. Последнее качество объясняется

тем, что Россия никогда не знала такого явления, как инквизиция. Русский человек тверд в вере, но снисходительно относится к ошибкам других людей и никому не пытается насильственно навязать веру. Отсылка к феномену инквизиции – единственный случай, когда Плавильщиков пытается подтвердить свою мысль фактами и привести веские исторические аргументы. В остальных случаях он обходится голословными утверждениями и риторикой.

Среди позитивных качеств русского человека, которые, однако, зачастую приводят к негативным последствиям, Плавильщиков называет доверчивость. Русский человек не подозрителен. «Вот главная слабость россиянина!» [5, с. 166]. Именно этим качеством пользуются иностранцы. Доверчивые россияне верят западной рекламе и считают французов и итальянцев сведущими во всем лучше их. Из-за этого и наводнили Россию иностранные учителя, развращающие нравы воспитанников. Здесь Плавильщиков возвращается к одной из главных тем своих статей – к критике «модного воспитания». Но если в февральском номере «Зрителя» этому вопросу Плавильщиков отводит значительную часть своей публикации, то в апрельском продолжении статьи он лишь мимоходом касается этой проблемы [5, с. 177, 181].

Главным выводом статьи «О врожденном свойстве россиян» является мысль о том, что русские, в отличие от представителей других наций, способны ко всем наукам и искусствам. «Русский все удобен понимать» [5, с. 175], тогда как представители других европейских наций сильны в чем-то одном. Хотя Плавильщиков и не отрицает слабостей и пороков у представителей русского общества, но они, во-первых, являются случаями редкими и единичными, а во-вторых, «они при блистании сих великих добродетелей не весьма приметны» [5, с. 181].

Важной чертой апрельского продолжения статьи является поднимаемый в ней (правда, лишь мимоходом) вопрос о заимствовании европейских наук и искусств. «Я, не отрицая, чтоб не нужно было занять чего у иностранцев, – пишет автор «Зрителя», – но как и что занимать? В том вся важность» [5, с. 168]. Внимание к этому вопросу сближает Плавильщикова со славянофилами.

Кроме двух статей, посвященных нравам россиян, на страницах «Зрителя» в 1792 г. появились статьи Плавильщикова о театре. Всего их было опубликовано пять, по одной в июньском, августовском, сентябрьском, октябрьском и декабрьском номерах [7–11]. Предметом для размышления стал в этих работах зарождающийся национальный театр. И хотя эти публикации были посвящены вопросам искусства, а не национальности, «прото-славянофильских» идей в этих заметках Плавильщикова тоже было много. В частности, в них поднимаются излюбленные для Плавильщикова темы превосходства всего русского над всем европейским и вреде западного просвещения. Показательным является начало второй статьи, опубликованной в августовском номере «Зрителя». «Нельзя не чувствовать нам, россиянам, превосходства своего языка, когда все то, что человеческое сознание представить себе может, мы ясно воображаем; самотончайшие тени мысли имеют у нас особливые и свойственные названия... И так еще повторяю мое недоумение, от чего преимуществует в модном кругу французский язык перед своим? Неужели постыдное незнание своего языка, внедренное модным воспитанием, есть истинная причина отвращению даже и от свойств природных?» [7, с. 251–252].

В ответ на публикации Плавильщикова в сентябрьском номере «Зрителя» появилось письмо неизвестного из Орла [10, с. 4–23]. Житель Орла, подписавший свое письмо N. N., критикует Плавильщикова по нескольким направлениям. Во-первых, в вопросе национального театра. Оппонент Плавильщикова в пику заявлениям о необходимости национального театра говорит, что «мы не имеем ни сочинителей трагических, ни актеров» [10, с. 8]. То есть N. N. не против русской драматургии, отечественных спектаклей на отечественные сюжеты, но коль скоро не находит их на современной ему российской сцене, оставляет за собой право восхищаться Расином и другими французскими авторами.

Неизвестный из Орла спорит с Плавильщиковым об исключительности эстетических и языковых способностей россиян. «Все народы, все языки имеют собственный вкус в красноречии [10, с. 10], – пишет орловский критик. – И если русский язык и богат от природы содержанием, то «беден в отделке» [10, с. 16].

N. N. не отрицает красоты русского слова, русской музыки и других искусств, но указывает на то, что все величие русского языка и литературы началось только с Ломоносова. Таким образом, к моменту написания статьи, всего несколько десятилетий назад. И пока кроме Ломоносова ничего великого русская словесность не дала. Поэтому называть великою словесность, которая родила пока что только одного большого автора, рано. Русская культура и

искусство находятся на стадии зарождения, «все это похоже на неоконченное изваяние, которого нельзя сравнить с *Венерою Медицис*» [10, с. 21].

В этом же сентябрьском номере «Зрителя» появляется «Ответ на критику», которой подвергал Плавильщикова Н. Н. из Орла [10, с. 40–65]. В ней Плавильщиков не приводит, по сути, контраргументов против Н. Н. (как и последний против Плавильщикова), а весь ответ сводит к риторике и повторению собственных мыслей. Он соглашается с Н. Н., что французские пьесы лучше отечественных [10, с. 44], однако это не должно быть причиной того, чтобы не использовать в театре сюжеты из российской истории. Главная функция театра воспитательная, но ребенка лучше воспитывать примером собственного отца, а не чужого. Так же и зритель будет лучше воспринимать нравственные примеры из прошлого своей Родины, а не из поэм Гомера и Вергилия [10, с. 45]. Да и достойные сочинители, по мнению Плавильщикова, в России уже появились. «Сумароков, Княжнин, Херасков, Николаев, Майков суть доказательством, что они у нас есть» [10, с. 47]. Далее Плавильщиков так же субъективно, не опираясь ни на какие факты или основания, кроме собственного красноречия, опровергает основные положения Неизвестного из Орла. Плавильщиков указывает, что русская музыка лучше итальянской (по меньшей мере – не хуже), кроме Ломоносова в XVIII в. в России были достойные сочинители, творчество которых может стать основой для национального театра (здесь он повторяет ранее уже высказанную мысль), а русский язык превосходит французский. В последнем случае Плавильщиков даже проводит что-то наподобие лингвистического анализа. По крайней мере, в доказательство того, что русский язык мягче французского, он приводит две строки французского текста, а в дальнейшем рассуждении ссылается на французского автора [10, с. 58].

Мы вслед за В. О. Ключевским считаем [14, с. 413], что данная журнальная полемика является первым в истории отечественной публицистики противостоянием славянофилов (точнее, их предшественников) и западников. Для этого есть много оснований.

Во-первых, в статьях Плавильщикова мы видим пробуждение национального самосознания. Причем именно в той специфической форме, которая характерна для позднейшего движения славянофилов. Это не просто осознание себя нацией со своими особенностями, достоинствами и недостатками. Это осознание себя в противопоставлении Европе. Плавильщиков говорит не только о русском, но (и это главное) о том, чем это русское отличается от западноевропейского и в чем оно его превосходит.

Во-вторых, это критика Запада. Все статьи Плавильщикова, посвященные даже чисто эстетическим вопросам, полны критики западной культуры. Везде Плавильщиков указывает на превосходство России над Западом. Этот вопрос, естественно, будет впоследствии подниматься всеми консервативными мыслителями XIX в., в том числе и славянофилами. Некоторые из них будут занимать позицию по своей непримиримости к европейской культуре близкую к Плавильщикову (например, К. Аксаков).

В-третьих, у Плавильщикова мы находим много идей, которые предвосхитили мысли славянофилов. Самая главная из них – это вопрос просвещения. Как уже отмечалось, вопрос о характере просвещения русского и европейского был одной из основных тем старших славянофилов. Особенно он был важен для И. В. Киреевского. Правда, нужно отметить, что Плавильщиков и Киреевский используют термин «просвещение» по-разному. Для Плавильщикова европейское просвещение – это просто воспитание русских юношей европейскими гувернерами, обучение их, в первую очередь, не национальному языку, а французскому, и так далее. Такое просвещение приводит к забвению национального, родного, русского. В этом Плавильщиков видит один из главных пороков его времени. Киреевский вкладывает в вопрос о «просвещении» более глубокие смыслы. Для него «просвещение» – это характер образования, воспитания и даже мировосприятия, свойственный культуре и определяющий ее основные ценности и установки. Но несмотря на то, что Киреевский глубже изучает этот вопрос и наделяет его новыми смыслами, само внимание Плавильщикова к проблеме просвещения сближает живших в разные эпохи мыслителей.

В-четвертых, это мимоходом поднимаемая Плавильщиковым тема заимствований из европейской культуры. Не отрицая самой возможности заимствований, Плавильщиков призывает делать это осторожно и осмысленно, чтобы не уничтожить национальную идентичность. Как известно, вопрос заимствований стал для славянофилов и западников одним из основных.

Однако эти черты сходства, которые сближают славянофилов и творческий коллектив «Зрителя» во главе с Плавильщиковым, ни в коем случае нельзя преувеличивать. Несмотря на некоторую близость позиций, разделяет их тоже немало.

Первое, что бросается в глаза при чтении статей «Зрителя» и сравнении их со славянофильством – это уровень образования и аргументации. Противостояние западников и славянофилов – это спор просвещеннейших людей своего времени: профессоров, ученых, писателей, ведущих литературных критиков. В этом споре они апеллируют к фактам, демонстрируя глубокое знание и понимание исторической и социальной действительности. Полемика на страницах «Зрителя» – чистой воды риторика, в которой к истории, социологии или лингвистике никто практически не обращается. Это спор не ученых, а ораторов. Причем, речи этих ораторов изобилуют не только риторическими фигурами, но и фактическими ошибками.

Другим важным моментом, уже смысловым, а не качественным, является отношение к фигуре Петра I. Спор о роли Петра I в русской истории – один из ключевых моментов, разделяющих славянофилов и западников. Для славянофилов Петр – фигура по большей степени отрицательная. Собственно говоря, фигура Петра I является ключевой в историософских построениях славянофилов. И критика его реформ и начинаний является органичной частью классического славянофильства. Плавильщиковым и его соратниками (как и противниками) историческое значение Петра для судеб русской культуры было еще не осмыслено. Плавильщиков восхищается деяниями великого реформатора. Он еще не видит связи между петровскими реформами и засильем западного просвещения. Плавильщиков находится еще под обаянием образа великого монарха, созданного в эпоху, когда Россией правили «птенцы гнезда петрова». В конце XVIII столетия в обществе уже возникает понимание негативных для народной культуры последствий петровских реформ [14, с. 414]. Но это понимание встречается пока только у единиц (Фонвизин, Дашкова), и, конечно, в прессе того времени освещение и развитие эти мысли получить не могли. Петр I был исторической фигурой в тот момент слишком важной для идеологической политики Екатерины II.

Но, несмотря на указанные различия, можно утверждать, что в 1792 г. мы впервые сталкиваемся с полемикой «уже тогда зарождавшихся противных партий славянофилов и западников» [4, с. 6]. Эта полемика не могла быть долгой и разрастись в настоящий идеологический спор, как это случилось полвека спустя с противостоянием западников и славянофилов. Для этого еще не появились важные общественные условия. И в первую очередь этому мешал уровень развития печати. Газеты, журналы, альманахи, существовавшие в тот период, имели, как правило, недолгую жизнь. Занятие журналистикой было делом не доходным, а чаще всего просто убыточным. Кроме того, отсутствие цензурного законодательства и каких-либо четких норм функционирования печати способствовало тому, что власти могли закрыть любой журнал по своему усмотрению. При таком уровне развития права, печати и общественных отношений не могло идти и речи о какой-то серьезной и длительной идеологической полемике. Но тем значительнее и ярче представляется ряд статей Плавильщикова и вызванный ими спор, который развернулся на страницах «Зрителя».

Список литературы

1. Альтшуллер М. Шишков и Карамзин о судьбах России // Литературоведческий журнал. 2011. № 28. С. 43–57.
2. Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. Серия: *Historia Rossica* / А. Валицкий, пер. с польск. К. Душенко. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 704 с.
3. Володина Н. В. Диалог И. В. Киреевского и А. С. Хомякова о характере русского и европейского просвещения // *Quaestio Rossica*. 2019. № 1. С. 243–254. DOI: 10.15826/qr.2019.1.374.
4. Давидович И. Плавильщиков, Петр Алексеевич // *Русский биографический словарь* : в 25 т. Т. 14: Плавильщиков – Примо / под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А. А. Половцева. СПб., 1905. С. 2–6.
5. Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла...: лит. и гос. идеология в России в послед. трети XVIII – первой трети XIX в. Серия: *Historia Rossica* / А. Зорин. М. : Новое лит. обозрение, 2004. 414 с.
6. Зритель. 1792. Ч. I. Апрель.
7. Зритель. 1792. Ч. I. Февраль.
8. Зритель. 1792. Ч. II. Август.
9. Зритель. 1792. Ч. II. Июнь.
10. Зритель. 1792. Ч. III. Декабрь.
11. Зритель. 1792. Ч. III. Сентябрь.
12. Зритель. 1792. Ч. III. Октябрь.
13. Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России // Московский сборник / подг. В. Н. Греков. М. : Наука, 2014. С. 285–334.

14. Ключевский В. О. Лекции по русской историографии : соч. в 8 т. Т. 8. М., 1959. С. 396–453.
15. Орнатская Т. И., Бабаев Э. Г. «Русский вестник» // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А. А. Сурков. М. : Сов. энцикл., 1962–1978. Т. 6: Присказка – «Советская Россия». 1971. С. 511–513.
16. Прохоров И. Е. В. Г. Белинский vs С. П. Шевырев: реализация конфронтационной стратегии в журнальной полемике (1836) // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2012. № 2. С. 68–83.
17. Семикопов Д. В., Захряпин А. А. Европа как «другой» русского историософского сознания: от средневековья к модерну // Вестник Мининского университета. 2021. № 1 (34). С. 11. DOI: 10.26795/2307-1281-2021-9-1-11.
18. Слуцкая Е. А., Махрова Э. В. «Купеческий театр» в русской культуре XVIII – начала XX веков // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2013. № 3 (28). С. 188–192.
19. Соколов С. С. Первая дискуссия по варяжскому вопросу в интеллектуальном пространстве эпохи (к спору Г. Ф. Миллера и М. В. Ломоносова) // Лит. исторический альманах. 2014. № 5. С. 252–271.
20. Сытина Ю. Н. Россия и Европа в полемике авторов «Московского наблюдателя» // Вопросы исторической поэтики. 2016. № 14. С. 172–184. DOI: 10.15393/j9.art.2016.3602.
21. Усманский А. Н. Плавильщиков (Петр Алексеевич) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. Т. 46. СПб. : 1898. С. 789.
22. Хомяков А. С. Несколько слов по поводу статьи г. Киреевского, помещенной в 1-м томе «Московского сборника» («О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России») // Московский сборник / подг. В. Н. Греков. М. : Наука, 2014. С. 285–334.
23. Цветкова Н. В. Дневник С. П. Шевырева и критика журнала «Московский наблюдатель» (1835–1837) // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2007. № 1. С. 75–84.

"Slavophiles" before slavophiles: a dispute about the properties of the Russian ethnos and the nature of national art on the pages of "The Spectator" magazine

I. M. Lebedyantsev

teacher of history and ancient languages, Seraphim of Sarov Orthodox Gymnasium.
Russia, Dzerzhinsk. E-mail: leb1000.mm@yandex.ru

Abstract. The article examines a number of publications by P. A. Plavilshchikov, which appeared on the pages of I. A. Krylov's magazine "The Spectator" in 1792. "The Spectator" was published for only a year, but in this short period of time in several issues of the publication we meet with one of the first publicistic polemics in the history of domestic journalism. In this controversy, issues were raised that would later become key in the dispute between slavophiles and Westerners. The outstanding Russian historian V. O. Klyuchevsky calls the authors of the magazine Lyuborussians and considers them the predecessors of Slavophilism. The article analyzes the views and ideas of Plavilshchikov. It is concluded that in his articles the author of The Spectator anticipated the views of slavophiles on many issues, and the magazine controversy caused by his works became the first episode in the history of the national press of the clash of Westerners and supporters of the national identity of Russia. At the same time, it is shown that in the full sense of the word, Plavilshchikov and his supporters cannot be called slavophiles. There are a number of criteria and topics that show the difference between classical Slavophilism and the ideas of the Lyuborussians. In particular, it is shown that the authors of The Spectator did not have the scientific and philosophical base that the representatives of the Moscow circle had. In addition, in many places, P. A. Plavilshchikov is a hot advocate of Peter's reforms, praises the tsar-converter, whereas for slavophiles, both older and younger, the figure of Peter I, remaining iconic for Russian history, had a negative meaning.

Keywords: "The Spectator", slavophiles, Westerners, P. A. Plavilshchikov, I. A. Krylov.

References

1. Altshuller M. Shishkov i Karamzin o sud'bah Rossii [Shishkov and Karamzin about the fate of Russia] // *Literaturovedcheskij zhurnal* – Literary journal. 2011. No. 28. Pp. 43–57.
2. Valickij A. V krugu konservativnoj utopii. Struktura i metamorfozy russkogo slavyanofil'stva. Seriya: *Historia Rossica* [In the circle of conservative utopia. The structure and metamorphoses of Russian Slavophilism. Series: *Historia Rossica*] / A. Valitsky, transl. from Polish by K. Dushenko. M. New Literary Review. 2019. 704 p.
3. Volodina N. V. Dialog I. V. Kireevskogo i A. S. Homyakova o haraktere russkogo i evropejskogo proshchleniya [Dialogue of I. V. Kireevsky and A. S. Khomyakov on the nature of Russian and European enlightenment] // *Quaestio Rossica*. 2019. No. 1. Pp. 243–254. DOI: 10.15826/qr.2019.1.374.

4. Davidovich I. Plavil'shchikov, Petr Alekseevich [Plavilshchikov, Peter Alekseevich] // *Russkij biograficheskij slovar'* : v 25 t. T. 14: Plavil'shchikov – Primo – Russian Biographical Dictionary : in 25 vols. Vol. 14: Plavilshchikov – Primo / under the supervision of the chairman of the Imperial Russian Historical Society A. A. Polovtsev. SPb. 1905. Pp.2–6.

5. Zorin A. L. *Kormya dvuglavogo orla...: lit. i gos. ideologiya v Rossii v posled. treti XVIII – pervoj treti XIX v. Seriya: Historia Rossica* [Feeding the double-headed eagle...: lit. and state ideology in Russia in the late third of the XVIII – first third of the XIX century. Series: Historia Rossica] / A. Zorin. M. New lit. review. 2004. 414 p.

6. *Zritel'* – The Spectator. 1792. Part I. April.

7. *Zritel'* – The Spectator. 1792. Part I. February.

8. *Zritel'* – The Spectator. 1792. Part II. August.

9. *Zritel'* – The spectator. 1792. Part II. June.

10. *Zritel'* – The Spectator. 1792. Part III. December.

11. *Zritel'* – The Spectator. 1792. Part III. September.

12. *Zritel'* – The Spectator. 1792. Part III. October.

13. Kireevskij I. V. *O haraktere prosveshcheniya Evropy i ego otnoshenii k prosveshcheniyu Rossii* [On the nature of the enlightenment of Europe and its relation to the enlightenment of Russia] // *Moskovskij sbornik – Moscow collection* / prep. by V. N. Grekov. M. Nauka (Science). 2014. Pp. 285–334.

14. Klyuchevskij V. O. *Lekcii po russkoj istoriografii :soch. v 8 t. T. 8* [Lectures on Russian historiography : works in 8 vol. Vol. 8]. M. 1959. Pp. 396–453.

15. Ornatkaya T. I., Babaev E. G. "Russkij vestnik" ["Russian herald"] // *Kratkaya literaturnaya enciklopediya* – Brief literary encyclopedia / editor-in-chief A. A. Surkov. M. Soviet Encyclopedia, 1962–1978. Vol. 6: The saying – "Soviet Russia". 1971. Pp. 511–513.

16. Prohorov I. E. V. G. Belinskij vs S. P. Shevyrev: realizaciya konfrontacionnoj strategii v zhurnal'noj polemike (1836) [V. G. Belinsky vs S. P. Shevyrev: implementation of a confrontational strategy in journal polemics (1836)] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika* – Herald of Moscow University. Episode 10: Journalism. 2012. No. 2. Pp. 68–83.

17. Semikopov D. V., Zahryapin A. A. *Evropa kak "drugoj" russkogo istoriosofskogo soznaniya: ot srednevekov'ya k modernu* [Europe as the "other" of the Russian historiosophical consciousness: from the Middle Ages to Modernity] // *Vestnik Mininskogo universiteta* – Herald of Mininsky University. 2021. No. 1 (34). P.11. DOI: 10.26795/2307-1281-2021-9-1-11.

18. Sluckaya E. A., Mahrova E. V. "Kupecheskij teatr" v russkoj kul'ture XVIII – nachala XX vekov ["Merchant theater" in Russian culture of the XVIII – early XX centuries] // *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)* – Society. Wednesday. Development (Terra Humana). 2013. No. 3 (28). Pp.188–192.

19. Sokolov S. S. *Pervaya diskussiya po varyazhskomu voprosu v intellektual'nom prostranstve epohi (k sporu G. F. Millera i M. V. Lomonosova)* [The first discussion on the Varangian question in the intellectual space of the epoch (to the dispute of G. F. Miller and M. V. Lomonosov)] // *Lit. istoricheskij al'manah* – Lit. historical almanac. 2014. No. 5. Pp. 252–271.

20. Sytina Yu. N. *Rossiya i Evropa v polemike avtorov "Moskovskogo nablyudatelya"* [Russia and Europe in the polemic of the authors of "The Moscow Observer"] // *Voprosy istoricheskoy poetiki* – Questions of historical poetics. 2016. No. 14. Pp. 172–184. DOI: 10.15393/j9.art.2016.3602.

21. Usmanskij A. N. *Plavil'shchikov (Petr Alekseevich)* [Plavilshchikov (Petr Alekseevich)] // *Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona* : v 86 t. T. 46 – Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron : in 86 vol. Vol. 46. SPb. 1898. 789 p.

22. Homyakov A. S. *Neskol'ko slov po povodu stat'i g. Kireevskogo, pomeshchennoj v 1-m tome "Moskovskogo sbornika" ("O haraktere prosveshcheniya Evropy i ego otnoshenii k prosveshcheniyu Rossii")* [A few words about the article by G. Kireevsky, placed in the 1st volume of the "Moscow Collection" ("On the nature of the enlightenment of Europe and its relation to the enlightenment of Russia")] // *Moskovskij sbornik – Moscow collection* / prep. by V. N. Grekov. M. Nauka (Science). 2014. Pp. 285–334.

23. Tsvetkova N. V. *Dnevnik S. P. Shevyreva i kritika zhurnala "Moskovskij nablyudatel" (1835–1837)* [S. P. Shevyrev's Diary and criticism of "The Moscow Observer" magazine (1835–1837)] // *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki* – Herald of Pskov State University. Series: Social and Humanitarian Sciences. 2007. No. 1. Pp. 75–84.